ОБРАЗ ДРУГОГО В БАЛКАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Антоанета ОЛТЯНУ
Бухарестский университет

> «Точка зрения извне не является обязательно хуже той что изнутри, а та, что изнутри не является обладательницей абсолютной истины только благодаря экзистенциальной близости к изучаемому предмету» [1].

Имагологию можно рассмотреть как сложное равновесие между компонентами общего и тождественного. Коллективная общественная мысль постоянно продуцирует обобщенные мифы и идеи, которые помогают сфокусировать свою идентичность, представлять свои убеждения, моделируют поведенческие образцы, символически определяют своих врагов, производят энергетические импульсы, которые должны способствовать укреплению солидарности[2].

В широком смысле, *имагология* означает изучение представлений о действительности путём ментальных, категориальных образов, приближением к изучению «личностных конструктов» (Г. Келли) и «социальных представлений» (С. Московичь). В узком смысле, имагология – это изучение образов, создающиеся народами о себе или о других. Это понятие вошло и в область этнологии. О.О. Белова предлагает анализ национальной специфики на основе этих представлений: «Народы (этносы) – общее понятие *народной этнологии*, трактуемое на основе оппозиций *свой-чужой*:

[1] Maria Todorova, *Balcanii şi balcanismul*, Humanitas, Bucureşti, 2000, c.10.
[2] Bronislawa Baczko, *Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectives*, Paris, 1984.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

в фольклорных традициях и верованиях со своим народом связывается представдение о норме, в то время как *чужие* народы рассматриваются как аномальные в физическом, социальном или моральном отношении»[1].

Изучение образа можно провести на разных уровнях: а) на филологическом – литературные произведения комментируют с точки зрения этнограммов, этнотипа, этнопсихологического портрета[2]; б) на историческом[3] или в) на психосоциологическом[4].

Когда имеются в виду факты, определяющие образ Другого в двух разных общностях, внимание обращено к элементам, которые приближают, но особенно к тем, которые дифференцируют. Образы о другом, а также и о себе не отражают автоматически представленный предмет. Отсутствие межкультурного общения, наследие, прямой опыт, предрассудки, сила конфликта способствуют искажению образа. К этому добавляется необходимость врага, отрицательного референта, а также факт, что коллективная психология часто регистрирует только травматические, отрицательные аспекты[5]. Образы Другого одной общности не могут быть гомогенными из-за социальных, культурных и др. различий, которые существуют внутри этих общностей. Восприятия и оценки выражаются по разному: простые люди – путём фольклора, интеллигенция – письменно, а на правительственном уровне – путём официальных изданий, учебников и т.д.

Но очень часто восприятие Другого осуществляется в соответствии с нашими интересами и увлечениями: когда они имеют чисто политический характер, Другой отражает лишь малую часть своей индивидуальности. В пример можно привести случай, приведенный в древней летописи о Лютпранде Кремонском, прибывшем в 968 году в Константинополь. Он был представителем ментальности, в которой дихотомия западный/

---

[1] В *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* под редакцией Н.И. Толстого, том 3, К-П, Москва, 2004, с.367.

[2] G. Michaud, *Literarische Imagologie – Formen und Funktionen nationaler Stereotype in der Literatur*, 2/1980; H. Dyserinck, *Imagologie comparată*, в т. Al. Duţu, *Dimensiunea umană a istoriei*, Bucureşti, 1986.

[3] Hélène Arhweiler, *Grands thèmes: L'image de l'autre*, Stuttgart, 1985.

[4] S. Marandon, *Catalogue des études concernant les images d'Europe*, //Etno-psychologie, 4/1971; M.S. Fischer, *Komparatistische Imagologie*, //Zeitschrift für Sozialpsychologie, 10/1979.

[5] Florea Ioncioaia, *Veneticul, păgânul şi apostatul. Reprezentarea străinului în Principatele române (secolele al XVIII-lea – al XIX-lea)*, в Al. Zub (ред.), *Identitate/alteritate în spaţiul cultural românesc*, Ed. Universităţii „Alexandru Ioan Cuza", Iaşi, 1996, с. 162.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

восточный была очень активной: «греки» были изменчивыми, хитрыми, лживыми как Одиссей; в то время как люди с Запада были открытыми, людьми слова, византийцы были женственными, мягкими; в свою очередь, люди с Запада были храбрыми и достойными. В то время, как император Никифор смеялся над тяжёлыми доспехами западных рыцарей, Лютпранд был раздражён длинной одеждой византийцев[1].

В конце концов, дело только в образе. Но «область вымысла – это сумма представлений, превышаюших предел, определенный опытом и дедуктивным звеном, разрешённый ними»[2]. О.О. Белова выявила присутствие стереотипов и в области народных представленй о национальных чертах характера различных народов: «чаще всего это клишированные высказывания, отражающее некое «общее представление» о чужеземцах и этнических соседях и содержащие в основном отрицательные характеристики, якобы присущие исключительно «чужим» народам и отделяющие «своих» от «чужих» (в этом контексте, помимо этнического, значимым оказывается конфессиональный аспект); при этом частный признак возводится на ранг этнического стереотипа»[3]. Как сказал Лучиан Боя в своей книге *Pentru o istorie a imaginarului* (К истории вымысла), образ, вымысел является почти единственным способым познания и структуризации мира, независимо от посылания на научную логику и объективность: «Мы должны лучше признать, что наш способ познания мира, наш разум и наша наука питаются вымыслом, как и любое «первобытное суеверие»» [4].

Всё то, что мы не знали до конца, было восполнено нашим воображением. Таким образом, появился такой гротескный, сказочный образ Балканов, столь далёких от Европы. Если европейцы случайно познакомились с несколькими местными образцами, «твёрдость» их доводов была непоколебимой. Как сказал Ж.-Ж. Руссо: «Я считаю неоспоримым утверждением, то, что, кто знал только один народ, не знает людей, лишь лица, рядом с которыми он прожил» [5].

---

[1] См. Al. Duţu, *„Bizantini", „Orientali", „Balcanici"*, в *Balcanismul*, // „Secolul 20", 7-9/1997, с. 58.
[2] Évelyne Patlagean, цит. по: Lucian Boia, *Pentru o istorie a imaginarului*, Humanitas, Bucureşti, 2000, с.12.
[3] Цит.раб., с.369.
[4] Boia, цит. раб., с. 13.
[5] J.-J. Rousseau, *Emil sau Despre educaţie*, Bucureşti, 1937, т. II, с. 433.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

В то же время, полными «стереотипами» были и самохарактеристики, сделанные самими лицами, интересующимися самодетерминацией или исправлением своего образа. В самом деле, речь идёт о том же самом вопросе образа, способа, в котором рассматриваются сами себя люди, что не обязательно является их настоящим образом, а образ, который они хотели бы иметь. «Национальные» характеристики обладают более фальшивой евристической ценностью. Кто-то наделяет румынов каким-либо качеством, надеясь, что подобное качество распространяется и на него самого[1]. «Образы, созданные народом о себе имеют индуктивную функцию. Они объясняют, чем хотели бы быть или не могли бы стать создатели тех образов. После недолгой поездки в чужую страну, отмечённую несколькими контактами с людьми, любой сумеет сделать вывод, путём своего ограниченного опыта, о некоторых типичных чертах людей той страны. Чем больше он проживёт в той стране, чем больше тот путешественник пробудет там, тем больше возможностей, что черты, которые он выявил с первого взгляда, будут подтверждены случайно, но не статистически. В качестве дедуктивного процесса, формирование образа о других, о коллективном другом, является маловероятным фактом» [2].

Характер народа это сложная и противоречивая совокупность черт, которые проявляется достаточно часто и явно в действиях определённых лиц и в определённых действиях людей. Их деление в хорошие и плохие, положительные и отрицательные бессмысленно. Те же черты оказываются, в определённых условиях, силой, а в других – слабостью. Как мы знаем, наши недостатки являются продолжением наших достоинств. Но также верно, что наши достоинства являются продолжением наших недостатков.

На протяжении веков, совместная историческая судьба породила сложные отношения между народами региона, связанные с положительными и отрицательными образами. На образ Другого, в данном географическом регионе, влияли подавляющее прошлое, конфликты и соперничества, но и общая борьба против захватчиков, за свободу. Сербы воевали за свободу Греции, в отрядах Тудора Владимиреску воевали греки, сербы, болгары и т.д. Но период образования национального сознания, точнее сказать, сознания национальной единичности вело и к отстранению

[1] Daniel Barbu, предисловие к т. *Firea românilor*, Ed. Nemira, Bucureşti, 2000, с. 5.
[2] Там же, с. 6.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

от соседей, отсутствию доверия к ним. Большая часть XIX-го века образ южного славянского соседа очень хорошо представлено в сербской, хорватской, словенской и болгарской литературах. Общий образ положительный, идеализированный. Но к концу века, на фоне национальных и идеологических противоречий, сопоставления стали уже конфликтными, уже нельзя говорить о толерантности и симпатии[1].

Это правда, что современная цивилизация отвела на второй план эти стереотипы, по крайней мере на определённое время, считая их неофициальными формантами общественного мнения, которые нельзя отрицать. Во время кризиса они же опять всплывут на поверхность и достаточно одного политического или социального землетрясения, чтобы волны эмоций и отрицательных мнений разливались на соседей, вспоминая о всех прошлых неприятностях, будучи неугасимым огнём настоящего конфликта. После того, как они созданы, этнопсихологические и национальные стереотипы очень устойчивы во времени, они часто прочнее самих государств, зданий и идеологий[2]. Опросы, проведённые Центром для изучения демократии в Софии и Организацией Ламбракиса в Афинах, оба будучи под эгидой Хельсинкской комиссии, выявили, что 86% албанцев ненавидят сербов, 59% – греков, 58% – македонцев и 47% – болгар; среди болгар, 23% ненавидят турок, а 51% – циган; среди греков – 38% ненавидят всех славян, 55% – циган, 62% – мусульман, а 75% – албанцев[3].

Мы постараемся рассмотреть возможно большее количество этих мнений, так как они встречаются в традиционном и современном фольклоре народов региона, не исключая публицистики, которую мы считаем глашатаем устных традиций, в том числе и те, которые относятся к имагологии.

Болгары. Среди балканских народностей болгары переживают все неудовольствия быть балканскими и всё-таки они являются единственными, которые воспринимают всерьёз балканичность, может быть и потому, что цепь Балкан проходит через их территорию[4]. Кроме того, и

[1] Veselina Dimova, *L'image du voisin balkanique et extrabalkanique dans la litterature des slaves meridionaux du XIXe siecle*, //Études Balkaniques, Sofia, 1/1994, с. 4.
[2] Там же, с. 13.
[3] Robert D. Kaplan, *La răsărit, spre Tartaria. Călătorii în Balcani, Orientul Apropiat şi Caucaz*, Ed. Polirom, Iaşi, 2002, с. 58.
[4] Todorova, цит. раб., с. 92.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

происхождение болгарского народа, как говорят народные традиции, указывает на преемственность этого населения. Согласны этим текстам, болгары – «потомки благочестивого сына Ноя, который прикрыл наготу своего отца, а цыгане – потомки Хама, насмеявшегося над пьяным родителем»[1]. Они также являются потомками Адама и Евы, Авраама и Сарры, в то время как турки «это потомки незаконнорожденного сына Авраама, Измаила, к тому же совершившего кровосмешение»[2]: туркм это потомки матери и сына, женщины и собаки или овчара и змеи.

По их мнению, греки были злыми, скупыми и лживыми («Один грек врёт как девять цыган»), наподобие волков («Бог тебя сохрани, чтоб грек не знал, где твои деньги, а турок – где твой ребёнок»; «Лучше быть замученным турком, чем обучен греком»), высокомерными как козлы. Албанцы были дикими[3], хорваты – жадными, шумными и грязными. О турках говорили: «Село с турками как лес с волками», «Турок бережет три вещи: свою спину, свою шею и своё удовольствие»; «Когда турок богатеет, возьмёт себе жену; когда болгарин богатеет, строит себе дом»[4]. В болгарских анекдотах Бог подарил сербам драки и пиры, грекам – язвительность и коммерческое чувство, туркам – праздность и роскошь, а болгарам – любовь к земле и упрямство. Подобный мотив появляется в анекдотах, относящиеся к выбору жены: – румынка была всегда блестящей, гречанка – кокеткой и капризной, лишь болгарка осталась единственной подходящей претенденткой, потому что она была скромной, трудолюбивой и выносливой[5].

Когда говорят о влахах, болгары развивают образ народности второго сорта. По болгарским народным легендам, влахи . это изгнанные за Дунай разбойники-болгары (в то время как цыгане, например, – это изгнанные из своей страны клеветники на царя). Они называются волосатыми, так как происходят от «одичавших» болгар[6].

---

[1] Белова, цит.раб., с.368, 369.
[2] Там же.
[3] Veselin Traikov, *Sur certaines particularites balkaniques du probleme de „l'image de l'autre",* //Études Balkaniques, Sofia, 4/1993, с. 4.
[4] Galina Lozanova, *The category of „Alien – One's Own" in Folk Culture (Ethno-religious Aspects*), //Études balkaniques, 1/1994, с. 38.
[5] Dimova, цит. раб., с. 5.
[6] Белова, цит.раб., с.368.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

По их мнению, румыны – гордые, изменники; даже их женщины хуже: «Нехороши валашская женщина, черноморский корабль и царьградский суд»[1]. Положительный дух румынско-болгарских отношений был определён в XVIII-ом – XIX-ом веках, во время оттоманской оккупации, геополитическими связями территорий с обоих берегов Дуная, общей православной верой, сильными экономическими и культурными взаимоотношениями, политическими интересами и общей борьбой за национальную и государственную независимость. Противоположная тенденция проявилась по нарастающей особенно после провозглашения независимости Болгарии в 1878 году, момент, определяющий начало добруджского вопроса и болгарско-румынского соперничества[2]. Эта тенденция стала доминантной во время войн 1912 и 1918 гг., последствия которых углубили взаимные противоречия по поводу территориальных и этнических вопросов. В такой ситуации взаимные образы Другого ставили акцент на отрицательных различиях, которые националистическая пропаганда старалась выдвигать как стереотип. Высокомерие румын в отношении их высшей культуры в сравнении с болгарами было наказано критикой двусмысленной ментальности и румынского лицемерного поведения, выдвинутой болгарами. Когда речь шла, например, о конкретной обработке земли, болгары были категоричными: «Нельзя проводить ни малейшего сравнения между болгарским и румынским крестьянином: первый из них богатый, у него всё в изобилии; другой же бедный из-за собственной праздности» [3], писал, в 1881 Антон Франгия. В популяризаторской монографии, посвящённой Румынии, А. Монеджикова писала, в 1927 г.: «/Румынские/ крестьяне довольствуются самой простой пищей... Дома румынских крестьян предельно бедные. Вдоль Дуная целые сёла являются лишь землянками, выкопанными в землю, в которых под одной кровлей живут совместно люди и животные»[4]. Другой болгарский писатель, Стилиян Чилинджиров, рисовал еще один нелестный портрет: «Румыния – это наименьшее просвещённая страна на Балканском

[1] Elka Drosneva, *The Bulgarians and the Others in Bulgarian Proverbs*, //Études balkaniques, 2/1994, pp. 42, 44, 47, 50.
[2] Vezi Blagovest Niagulov, *Les images de „l'autre" chez les bulgare set les roumains (1878-1944),* //Études balkaniques, nr. 2/1995, c. 4.
[3] цит. по: Todorova, c. 7.
[4] цит. по: Todorova, c. 9.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

полуострове. Она похожа на разфуфыренную кокетку, которая дома ест мамалыгу, а под одеждой её нет ни одной рубахи...» [1].

Хорваты. Воспринимаемые не всегда как часть Балканского региона, особенно из-за глубокого сходства с западной европейской культурой, хорваты всегда подчёркивают своё близкое расположение к Европе, желаемая мечта всех балканских народов. В общем, они были меньше приемлемыми из-за сильной германской смеси. Хорватский президент Франьо Туджман сказал: «Границы Хорватии – это границы Западной Европы» [2]. В своей официальной декларации, после визита в Вашингтон в 1996 г., было сказано: «в Соединенных Штатах нас заверяли, что окажут нам безоговорочную помощь, ибо Хорватия – это часть Центральной Европы, а не Балканского региона» [3].

В описаниях соседей, хорватский писатель Степан Радич представлял болгар, например, как хороший, мирный, трудолюбивый, гостеприимный, покорный народ, легко изучающий и воспринимающий прогресс, умеренный и уместный, который, если необходимо (как в случае балканских войн), мог бы доказывать мастерство военного искусства[4], вместе с которыми хорваты могли бы установить конкретные мосты.

Греки. Во время антивизантийского периода и утверждения национального сознания, духовной эмансипации Церкви, отмечается отрицательное отношение к грекам, особенно в румынской и болгарской культурах, в то время, как сербы смотрели на них с огромной симпатией, воспринимая их как товарищей по оружию в борьбе против общего оттоманского врага, воспевая героизм, самоотверженность и преданность греческих воинов[5]. Общим во всех описаниях соседей или народов, с которыми они установили контакт, является сатирический образ греческого

---

[1] цит. по: Todorova, c. 22.
[2] цит. по: Vesna Goldsworthy, *Inventarea Ruritaniei. Imperialismul imaginaţiei*, Ed. Curtea veche, Bucureşti, 2002, c. 20.
[3] цит. по: Rastko Močnik, *The Balkans as an Element in Ideological Mechanisms*, в т. Bjelić, Dušan I., Savić, Obrad (ed.), *Balkan as Metaphor. Between Globalization and Fragmentation*, Cambridge, Londra, 2002, c. 93.
[4] Rumiana Bojilova, *The Bulgarians through the eyes of Stepan Radic (The Bulgarian character in his book «Obnovlena Bugarska»)*, //Études Balkaniques, Sofia, 4/1993, c. 8.
[5] Dimova, цит. раб, c. 10.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

торговца – жадного, алчного к деньгам, высокомерного, мошенника, который переоценивал свои качества и недооценивал качества других. В своей очереди, греки считали болгар жестокими и кровожадными, в туранском духе, примитивными людьми, неуклюжими и медлительными. У сербов навязчивое самолюбие, ярость, в то время, как хорваты медлительные и шумные, а словенцы – мечтательные и скептичные[1].

Сербы. Ту же ситуацию нахождения на перепутье, но, обязательно, с «положительной» стороны, встречаем и в суждении сербов. Св. Савва (Неманьич, 1175-1235), основатель Сербской православной церкви в одном из своих писем писал: «В начале мы были в недоумении. Восток думал, что мы западные, в то время как Запад считал нас восточными»[2]. В неопубликованной рукописи, Марко Живкович описал ментальную карту сербов: «Будучи не так близко к Западу, как чехи, но и не на Дальнем востоке, как русские, одновременно не будучи частью Центральной Европы, как хорваты, но и не находясь на Балканах Балканов, как македонцы, сербы считают себя обязанными использовать потенциал крайностей. Их стигмат сочетается с тавром Юга и Востока, оба клеймённые славизмом и турцизмом, врождённые коммунизмом и балканской яростью. Они не имеют возможности претендовать на потомство от одной из культур, которые Запад считает прародительскою, так как это делают греки и румыны» [3].

Словенцы. В *Letter to a Serbian Friend*, писатель Тарас Кермаунер объясняет словенскую «европейскость» таким образом: «Имеет меньше значение тот факт, что словенцы находились под руководством таких особ, как Карл Великий, Карл Пятый и Наполеон. Важнее тот факт, что мы представляем быт между Центральной Европой и Западом»[4]. Словенский премьер-министр Янез Дрновшек, говорил в 1995, о выборе Словении,

[1] Sania Velkova, *The „Slav Neighbour" in the Eyes of Noted Greek Intellectuals from the end of the 19th and the beginning of the 20th century*, //Études balkaniques, 1/2000, с. 130, 132.
[2] цит. по: Goldsworthy, с. 19.
[3] цит. по: Aleksander Kiossev, *The Dark Intimacy: Maps, Identities, Acts of Identification*, в т.. Bjelić, Dušan I., Savić, Obrad (ed.), *Balkan as Metaphor. Between Globalization and Fragmentation*, Cambridge, Londra, 2002, с. 189.
[4] Goldsworthy, цит. раб., с. 19.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

имея ввиду местоположение между Европой и Балканами[1]: «независимая и западноподобная Словения может действовать и будет действовать в качестве «санитарного барьера» против беспорядка Востока», за выражением другого официального лица, словенского министра воспитания[2].

Турки. Исходя из многовекового владычества Оттоманской империи на Балканском полуострове, из бесконечной военной и политической конфронтации, из этнических и конфессиональных различий, становится понятным факт восприятия турок как типичный образ кровавого угнетателя.

Религиозный фанатизм и нетерпимость оттоманских летописцев приводили к органическому неприятию христианских врагов. Когда те защищали свою землю и независимость, их называли «проклятыми», «дикими собаками», «воронами, травленными соколами», «пищей для кинжалов мусульман» или «закованными рабами» [3]. О болгарах, например, говорили, что те не способны стать настоящими солдатами. Илмаз Четинлер в шестидесятых годах, считал балканские государства созданными второпях, «которые не могут быть благородными, как бывшая рабыня, которая сидит на пороге своей обанкротившейся госпожи»[4]. Со временем радикально меняется ракурс восприятия Турции, когда она стала полностью (не только своей западной частью) европейской страной. В 1975 году турецкий социолог и историк Ниязи Беркес писал: «Сегодня Турция не является ни западной, ни мусульманской нацией; она не принадлежит никакой христианской, социалистической или капиталистической общине (...). Не является ни азиатской, ни европейской (...). Доминирующее направление оттоманской истории склонилось больше к Западу, чем к Востоку» [5].

Румыны. Румыны считают, что у них латинские корни, что они говорят латинским наречием, находясь в славянском море, забытые латинским миром. Для них, история начинается с 108 года, когда римские

[1] Močnik, цит. раб., с. 94.
[2] цит. по: Goldsworthy, с. 20.
[3] Maria Kalicin, *The Image of the „Other" in 15th-16th Century Ottoman Narative Literature*, //Études balkaniques, 1/1994, с. 24.
[4] цит. по: Todorova, с. 86.
[5] цит. по: Todorova, с. 84.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

легионы под руководством Траяна покорили Дакию. На протяжении 150 лет римские солдаты входили в близкие связи с румынскими женщинами, породив, согласно румынским историкам, латинское племя, сохранившееся чистым до сих пор. После девятивековой оккупации крещённых болгар, они отказались от западного христианства, привнесённого императором Константином (325 г.) и приняли восточный обряд. Как и хорваты, румыны считают себя воротами на Восток и не признают, каких-либо значительных восточных заимствований.

Критические описания имеются и в этом случае, и даже изнутри. Димитрия Кантемира (1714 г., *Descriptio Moldaviae*) можно считать первооткрывателем такого жанра: «честно признаю, что, кроме православной веры и гостеприимства, с трудом можем найти среди нравов молдован то, что можно похвалить на самом деле...» [1]

Кроме стереотипов, касающих вообще балканского региона, воспринятого в её противопоставлении с Западной Европой, существуют и здесь стереотипные представления о народах региона. Безусловно, можно собрать много синтезов этих образов. Далее мы ограничимся теми представлениями о Другом, какие встречаются в румынских фольклорных произведениях.

В вопроснике Богдана Петричейку Хасдеу существует ряд вопросов, касающихся коммуникационных отношений: – как живёт село в сравнении с соседними сёлами? – какие названия оно даёт им? – образуют ли они товарищества с соседними сёлами в каком-то деле? – каково мнение селян о горожанах – какие у них связи, постоянные или временные, с близким городом? Очень интересны также отношения к иностранцам или проживающим меньшинствам: что они понимают под словом *иностранец*? какие поговорки или другие рассказы о людях другого рода или другой веры существуют, как, например, о немцах, венграх, греках, турках? Каково отношение народа к армянам, евреям и цыганам? что говорят крестьяне, когда иностранцы, греки, болгары или другие народы покупают землю в их крае? Вопросы возникали по той причине, что экономические и социальные отношения между румынами и соседними народами повлияли на их суть и определили оценку характерных черт лиц другой национальности, с которыми они входили в контакт. Это объясняет тот факт, почему другие балканские народы часто упоминаются в румынском

[1] цит. по: Barbu, с. 35.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

фольклоре[1]. «Румын считает себя талантливее представителей других народов и поэтому он так хорошо смеётся над ними», писал Артур Горовей[2]. В румынских поговорках мы найдём неблагоприятные суждения о разуме людей других национальностей.

Среди окружающих народов, *сербы* очень слабо представлены: «Зелёного коня и умного серба никто не видел».

Болгарам посвящается намного больше пословиц и анекдотов. Они все намекают на хроническое отсутствие у них разума: «Чёрт видел зелёного коня, испорченную свиню и умного болгарина»; «Болгарская голова, глаза мельника – одно и тоже»; «Болгары покорили Царьград с пореем в руке». Мы попробуем объяснить эти образы с помощью представительного анекдота:

«Пара болгар, с дедом Иваном во главе, ходила, чёрт знал куда они ходили, по широкому полю. Было красиво, ночь, но светло как день. На пути им встретился заброшенный колодезь. Посмотрев в него, начали стонать, луна упала в колодезь. Что делать, как быть им, бедненьким, чтобы достать оттуда луну?

– Снова мне вас учить что делать, дети мои? Давай забросим туда крюки, зацепим луну и выбросим её обратно на небо, – сказал дед Иван.

Так и сделали и крюками стали нащупывать воду, зацепили крюком колодезный сруб. Потом тянут, тянут, изо всех сил, думая, что они словили луну. Под давлением крюков, гнилой колодезный сруб сломался, и парни упали на спину, увидев на небе луну, которая смеялась над их глупостью. Тогда дед Иван, умный как овца, которая зашла в болото, уверенно говорит:

– Видите вы, парни, луну наверху? То знайте, мы бросили её туда!

– Урааа! Да здравствует дед Иван, кричали неистово парни.

И с тех пор осталась по сей день и оговорка: *Если бы не было болгар, не было бы сегодня луны на небе*»[3].

Греков описывают посредством экономическо-социальных отношений и по-этому их хитрость, жадность являются главной чертой в румынском фольклоре: «Грек – паршивная овца»; «Грек – липкая болезнь, проникающая до костей»; «Грек – язвительный язык»; «Щедрого грека, глупого еврея и честного цыгана не бывает»; «Грек – поганная выдра,

[1] См. также Artur Gorovei, *Popoarele balcanice în folklorul românesc*, //Analele Academiei Române. Memoriile secţiunii literare, seria III, tomul XI, mem. 4, Bucureşti, 1942.
[2] Там же, с. 2.
[3] I.A. Zanne, *Proverbele românilor*, Bucureşti, 1901, т. VI, с. 25.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

язвительный зверь»; «Грек – вражеский зверь»; в балладе *Йоргован* – «Недя, проклятая собака,/ подлый человек как все греки/, которые прекрасно знают драть с тебя/ даже рубашку (...)./ Грек, проклятая душа/, полная грехов»[1]. Глупость присутствует как будто она настоящая балканская черта: «У тебя только одна голова, и та пуста, как будто у грека»; «Двух вещей не бывает в мире: зелёного коня и умного грека»[2]. Потому что жажда наживы у греков часто наблюдалась румынами, они приготовили для греков подходящий анекдот:

> «Говорят, что у греков перед Новым годом каждая семья собирает в кучу все вещи в доме, чтобы смотреть как высока была эта куча в прошлом году, то есть каково у них имущество. Потом жена стоит с одной стороны кучи, а муж с другой, и кричит муж жене:
>
> – Видишь меня?
>
> А женщина отвечает:
>
> – В этом году вижу, а в будущем, чтоб я не видела тебя!»"[3]

Среди всех балканских народов, *турки* занимают первое место в румынском фольклоре. Но, хотя турки были традиционно врагами всех християнских народов, они появляются более кроткими, человечными, чем греки христианского вероисповедания; только в одной легенде встречаем утверждение, что первоначально турки были гадами: имели человеческий образ до пояса, а ниже – собачий[4]. «Турок уподобляется дьяволу, потому, что он носит феску как чёрт, носит красную феску, как тюбетеечка (рум. *tichie*), поэтому и чёрта зовут *Tichiuţă* (ласкательное от *tichie*)»[5]. Очевидно, период турецкой оккупации не мог не оставить следы: «Правда исчезла со времён турок»; «Турок бьёт, турок судит»; «Турок режет, турок дерёт с тебя щкуру»; «Каков турок, таков и его пистолет»; «Турок не знает много»; «Опирается в надежду, как турок в свою саблю» [6]. Как мы уже сказали, несмотря на суровость, непреклонность турок, для румын их характерными чертами являются честь и справедливость: «Листок полынь,/ Ой, ты, турок поганный,/ Ой, ты, турок злой,/ потом он милостивый,/ Богом приглушён»

---

[1] G. Dem Teodorescu, *Poezii populare române*, 1885, c. 560.
[2] Zanne, цит. раб., c. 123, 135, 136.
[3] Şezătoarea, VII, c. 88.
[4] Там же, III, c. 73.
[5] Там же.
[6] Zanne, цит. раб., c. 413, 414.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

[1]; «Турок злой и поганный,/ но он не продаёт хозяина;/ ему суждено было знать, / что грешное дело/ продавать невинного»[2]; «Турок поганный,/ но в сердце блаженный» [3].

Литература

Arhweiler, Hélène, *Grands thèmes: L'image de l'autre*, Stuttgart, 1985
Baczko, Bronislawa, *Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectives*, Paris, 1984
Barbu, Daniel, *предисловие* к т. *Firea românilor*, Ed. Nemira, Bucureşti, 2000
Boia, Lucian, *Pentru o istorie a imaginarului*, Humanitas, Bucureşti, 2000
Bojilova, Rumiana, *The Bulgarians through the eyes of Stepan Radic (The Bulgarian character in his book «Obnovlena Bugarska»)*, //Études Balkaniques, Sofia, 4/1993
Dimova, Veselina, *L'image du voisin balkanique et extrabalkanique dans la litterature des slaves meridionaux du XIXe siecle*, //Études Balkaniques, Sofia, 1/1994
Drosneva, Elka, *The Bulgarians and the Others in Bulgarian Proverbs*, //Études balkaniques, 2/1994
Duţu, Al., *„Bizantini", „Orientali", „Balcanici"*, в *Balcanismul*, // „Secolul 20", 7-9/1997
Dyserinck, H., *Imagologie comparată*, в т. Al. Duţu, *Dimensiunea umană a istoriei*, Bucureşti, 1986
Fischer, M.S., *Komparatistische Imagologie*, //Zeitschrift für Sozialpsychologie, 10/1979
Goldsworthy, Vesna, *Inventarea Ruritaniei. Imperialismul imaginaţiei*, Ed. Curtea veche, Bucureşti, 2002
Gorovei, Artur, *Popoarele balcanice în folklorul românesc*, //Analele Academiei Române. Memoriile secţiunii literare, seria III, tomul XI, mem. 4, Bucureşti, 1942
Ioncioaia, Florea, *Veneticul, păgânul şi apostatul. Reprezentarea străinului în Principatele române (secolele al XVIII-lea – al XIX-lea)*, в Al. Zub (ред.), *Identitate/alteritate în spaţiul cultural românesc*, Ed. Universităţii „Alexandru Ioan Cuza", Iaşi, 1996
Kalicin, Maria, *The Image of the „Other" in 15th-16th Century Ottoman Narative Literature*, //Études balkaniques, 1/1994
Kaplan, Robert D., *La răsărit, spre Tartaria. Călătorii în Balcani, Orientul Apropiat şi Caucaz*, Ed. Polirom, Iaşi, 2002
Kiossev, Aleksander, *The Dark Intimacy: Maps, Identities, Acts of Identification*, в т.. Bjelić, Dušan I., Savić, Obrad (ed.), *Balkan as Metaphor. Between Globalization and Fragmentation*, Cambridge, Londra, 2002
Lozanova, Galina, *The category of „Alien – One's Own" in Folk Culture (Ethno-religious Aspects*), //Études balkaniques, 1/1994

[1] *Badiul*, в: Tedorescu, цит. раб., с. 547.
[2] *Stanislav Viteazul*, там же, с. 568.
[3] *Marcu Viteazul*, там же, с. 665.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)

Marandon, S., *Catalogue des études concernant les images d'Europe*, //Etno-psychologie, 4/1971
Michaud, G., *Literarische Imagologie – Formen und Funktionen nationaler Stereotype in der Literatur*, 2/1980
Močnik, Rastko, *The Balkans as an Element in Ideological Mechanisms*, в т. Bjelić, Dušan I., Savić, Obrad (ed.), *Balkan as Metaphor. Between Globalization and Fragmentation*, Cambridge, Londra, 2002
Niagulov, Blagovest, *Les images de „l'autre" chez les bulgare set les roumains (1878-1944),* //Études balkaniques, nr. 2/1995
Rousseau, J.-J., *Emil sau Despre educaţie*, Bucureşti, 1937, т. II
Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого, том 3, К-П, Москва, 2004
Teodorescu, G. Dem, *Poezii populare române*, 1885
Todorova, Maria, *Balcanii şi balcanismul*, Humanitas, Bucureşti, 2000
Traikov, Veselin, *Sur certaines particularites balkaniques du probleme de „l'image de l'autre",* //Études Balkaniques, Sofia, 4/1993
Velkova, Sania, *The „Slav Neighbour" in the Eyes of Noted Greek Intellectuals from the end of the 19th and the beginning of the 20th century*, //Études balkaniques, 1/2000
Zanne, I.A., *Proverbele românilor*, Bucureşti, 1901, т. VI

The Image of Other in Romanian Folklore

Every time we speak about another nation we often use cliches, stereotype constructs instead of real, authentic description of their features. In Romanian folklore, proverbs, anecdotes are only few genres in which we can read about qualities and especially imperfections of a people or another. If we are interested in going a little deeper into those peculiar national traits that often burst to the surface in a character, we'll will find many examples of national habits and tendencies which we may vaguely have noticed before but could not really put your finger on. The paper provides a penetrating and entertaining analysis of the attitudes and behavioural traits of each nationality. The main conclusion we can raise is the lack of a real interests for all these people and for their character. Before making judgements about other peoples' ways of thinking and living, try to understand why they are the way they are. But in folk perception we won't deal with this principle.

BDD-A24274 © 2008 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.42 (2026-11-16 17:00:15 UTC)